

Вестничество Зинаиды Миркиной

*О боже, сколько их сегодня
В любом краю, в любой судьбе
Безмолвных вестников Господних,
Вещающих не о себе.*

З. Миркина

1.

Стихи Зинаиды Миркиной подобны благодарственной молитве. Строго филологическим, философским или богословским анализом творчество столь оригинального поэта и мыслителя как Миркина ограничить невозможно. На свой страх и риск я пройду по границам этих областей, по «ничейной полосе», предоставляя поле фундаментальных исследований профессионалам.

Сразу хочется исключить возможность сравнения ее поэзии со стихами, как выразился Адамович, «вячеславо-ивановского образца» - «торжественными, велеречивыми, парящими в заоблачных высях»¹. Не только Адамовичу, но и современному читателю режет ухо ивановская строка «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли». С подобными котурнами у Зинаиды Миркиной нет ничего общего. Ее внутреннему ладу присущ тот же мистический трепет, что и стихам Даниила Андреева, вот только она не дает воли тому воображению, которое, прельщаясь собственными возможностями, черпает силу в самом себе. Приподнятость ее речи - это зов

в глубину и даже в бездну. Не бездна должна внушать нам страх, а топтание на ее краю, наш бесконечный ропот.

Знатоку творчества Миркиной литературному критику Эмилию Сокольскому принадлежат несколько превосходных рецензий на стихи Зинаиды Александровны. Но столь проникновенные отзывы, столь искренний отклик, в котором ремесло критика не затмевает первый всплеск его живейшего интереса, довольно редки. Вот с какой отстраненностью определяет жанр ее стихотворных посланий литературовед Олег Мраморнов: «Мистическая патетика и лирика», «Опыты спиритуалистической поэзии»². А вот с какой вовлеченностью отзывается о них культуролог и богослов Григорий Померанц: «Мистическая поэзия», «Поэзия священной глубины». Вполне доброжелательно настроенный литературовед скользит по поверхности явления, пытаясь поставить творчество неблизкого ему автора в привычный для него ряд литературных и окололитературных явлений. Но все дело в том, что поставить ее в один ряд с кем-либо из современных поэтов невозможно. Такого ряда не существует. Григорий Померанц в статье, посвященной стихам его супруги и единомышленницы, указал на следующую литературную преемственность: «Зинаида Миркина (...) переводила Тагора, Рильке, суфийскую лирику. В этот же ряд становятся и ее стихи»³. Итак, речь идет о поэзии священной глубины. В ней горстью слов передается бездна смыслов, причем не круглым путем, а кратчайшим.

Ответить Богу - значит среди ночи

Проснуться вдруг по первому же звуку:

- Я здесь. Я - вот. Твори со мной что хочешь.

Я - тетива натянутого лука.

Не отвлекись уже ни на мгновенье

От рук Твоих. Я ожидаю взмаха.

Я вся с Тобой в священный миг творенья,

В миг созидания меня из праха.

В стихах Зинаиды Миркиной сквозит Личность Бога. Он взирает в простую ясность Своего существа, как выразился бы немецкий мистик Мейстер Экхарт. Можно относиться к этим стихам как к богословским трактатам, а можно как к философским эссе, но прежде всего это поэзия, то есть взгляд «сквозь обличья», глубоко символическое переживание невыразимого опыта души. С философией поэзию Миркиной роднит не рациональный подход, а поиск онтологических оснований всех вещей.

Мне в этой жизни довелось
Дослушать каждый звук.
Все вещи доглядеть насквозь
И очутиться вдруг
В потустороннем, за судьбой,
Как будто пройден мост,
Соединяющий с собой
И с каждой из звезд.

Не вполне уместно в разговоре о поэзии касаться области философского знания. Не принято поднимать в связи с художественным творчеством и вопросов сугубо религиозного характера. Считается, что каждой из этих сфер отведено свое место. За философией зарезервировано пространство преимущественно интеллектуальное, за религией – преимущественно духовное, а за искусством – преимущественно душевное. Но, читая строки «Сегодня бродила я в царствии Божьем / Там все, как у нас, только проще и строже, / Там все, как у нас, только чище и выше, / Прозрачней и глубже, светлее и тише», понимаешь, что подобное разделение надумано и даже кощунственно. Современному человеку представляется уже невозможным

соединить три сферы, три мира, причем соединить их без единого шва, а ведь это так необходимо! Опытом бесшовного слова я бы и назвал все стихи Миркиной, которые не из нее исходят, а через нее идут.

* * *

Мне надо стать бумагой белой,
Жить в совершенной тишине.
И ничего самой не делать,
Чтоб Ты мог действовать во мне.

Мне надо быть открытой Дверью
В ту глубь, где всё просквожено
Такою полнотою доверья,
В которой я и Ты - одно.

О Боге можно говорить только языком поэзии. Когда философия забывает о языке поэзии, она забывает и о Боге. И тогда философия становится мертвым знанием книжных мудрецов. Истину нельзя описать словами. Философия же, порой, именно это и пытается сделать. Она откалывает от слова все лишнее, то есть все то, что мешает торжеству абстракции. Она делает вид, что разум не нуждается в запредельной полноте слова. Такая философия превращает все слова в откалиброванные гири. Философ почти всегда говорит о любви не так верно, как поэт, а, значит, философ говорит и об Истине не так верно, как поэт. Поэт же часто говорит как пророк, а пророк всегда говорит как поэт. Только язык поэзии достигает нашего сердца.

* * *

На гору поднимись. Молитву соверши.
Не разжимая губ, без жеста и без слова.
Есть зеркало воды и зеркало души,

И зеркало одно глядится внутрь другого
И больше ничего в огромном мире нет.
И в глубине зеркал сейчас родится свет.

Не только философия, но и богословие может ослабить свет Бога. Это происходит тогда, когда богословие из учения созерцателей превращается в свод толкований. Сентенции теолога могут быть прозорливы, а могут быть и поверхностны. Ни менторский тон, ни вкрадчиво-доверительные нотки не заменят пророческого слова. Теолог, в качестве регистратора готовых истин, похож на птицу с одним крылом. В этой птице нет полета, хотя есть и перо, и клюв и рвение. «Богословие делит священную реку на рукава. Поэзия соединяет их в стремлении к устью»⁴, - писал Померанц. О любви и об Истине можно говорить только языком любви и языком Истины, а, значит, языком поэтическим. Не беда, что, зачастую, в этом языке очень мало слов и они так прозрачны, что как будто бы их даже и вовсе нет.

Больше не найдёте
Прописных основ.
Слово стало плотью
Значит нету слов.

Дрогнувшее пламя,
Тверди рваный край, -
Значит - не словами, -
Жизнью отвечай.

Все ее стихи выходят из Бога и тонут в Нем. Кто такой Бог? – спрашивает она всей собою и всею собой отвечает. И даже не важно, что отвечает. Важно как спрашивает. Потому что у каждого есть, должен быть свой ответ на этот

вопрос. И все-таки, каков ее ответ? Бог, это совершенная любовь, изгоняющая страх. Страх физический, страх перед наказанием обязан умереть, чтобы осталось иное: тайный трепет, боязнь причинить боль Богу. Когда сердце открывает Бога, оно боится только одного – ранить Бога. А больше ему никакой страх и не ведом.

Бог не заковывает в цепи

И не разит мечом железным.

Страх Божий – это тайный трепет

Души пред собственною бездной.

Сердце не может бояться Того, Кого оно беззаветно любит. Или боишься или любишь. А если и боишься, и любишь, значит, еще не любишь. Любовь готова принять всё в своем избраннике, и разделить со своим единственным всё, но и спрос ее так велик, как велик возлюбленный ее. Любовь не от мира сего. Она от Бога. И так как Бог спрашивает с человека, так и сердце спрашивает с Бога. И вопросы любящего сердца всегда безжалостны и горячи. И Богу нужна эта наша безжалостность, этот наш огонь. Мы переворачиваем сердце Бога, и Он снова и снова рождает нас, дарит нас Своим отцовством. Мы хотим обмануть Бога, когда заискиваем перед Ним, когда надеемся снискать расположение рабской покорностью. А Ему нужна вся правда о Нем, на которую только и способно сердце. Ему нужен сын. И Отец ищет сына среди нас. И отыскивает сына по тем вопросам, которые ставит сердце своей глубине. Бог верит, что мы готовы задать Ему эти последние вопросы. Вот что имеет в виду митрополит Антоний Сурожский, когда говорит, что Бог верит в человека. Ведь если мы Отцу не задаем самых тяжелых на свете вопросов, то и перед собою их не ставим. Мы уже не спрашиваем себя - добры ли мы, милосердны ли мы, правдивы ли мы в любви? А если мы задаем эти вопросы Богу - милосерден ли Ты, правдив ли Ты? если мы осмеливаемся их задавать, то, как мы можем не задать их себе?

В этом богоугодном богоборчестве и сбывается душа. Вот как о родах духа сказано в последних строфах стихотворения Райнера Марии Рильке «Созерцание» в переводе Бориса Пастернака.

Так ангел Ветхого Завета
Нашел соперника под стать -
Как арфу он сжимал атлета,
Которого любая жила
Струною ангелу служила,
Чтоб схваткой гимн на ней сыграть.

Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из любого боя
В расцвете и сознаньи сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб Высшее Начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти Ему в ответ.

И ровно о том же, но по-другому сказано в стихотворении Миркиной.

О, это сочетанье боли
И творческой могучей воли!
Внутри боли Божие вторженье,
Как вход огня во внутрь поленьев.
Борьба, скрещение двух волей –

Сгорающая в Боге боль.

Поэзия Миркиной это столь мучительно личное и радостно личное переживание Бога, что читателя, привыкшего доверять чужому, а не своему опыту, она смутит. Где та почтительная дистанция? Где тот охранительный барьер? Но не есть ли дистанция лишь отговорка, имеющая вид законного оправдания, чтобы скрыться от самих себя и отдалиться от Бога. Почитание Его на безопасном расстоянии и есть узаконенное богоубийство. И, напротив, единение с Ним в борьбе за Него, вплоть до ощущения Его совершенства, означает рождение в Нем.

Вера, построенная на страхе, мертва. Такая вера замешана на земном чинопочитании. Это холопская вера, корыстная вера. Пророк Иеремия передает так слово Господа к Израилю: «И дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни жизни, ко благу своему и благу детей своих...» (Иер. 32:39). Но вот праведник Иов переворачивает сердце Бога своими дерзкими вопросами. И страх, ведущий ко благу, тот страх, в котором живут благочестивые друзья Иова, оказывается вовсе не тем, что угодно Богу. «...вы говорили обо Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов. 42,7). Вот как звучат в переводе Миркиной строки суфийского поэта Ибн Аль-Фарида.

И все страданья Иова - ручей,
Текущий в море горести моей.
Когда бы стон мой услышал Аллах,
Наверно б, лик свой он склонил в слезах.

Суфий верит в то, что Всевышний готов всем сердцем откликнуться на его существование и разделить с человеком если и не его судьбу, то всю палитру его переживаний.

У Бога есть сердце, и есть душа. «От всего сердца Моего и от всей души Моей» говорит Бог-ревнитель устами пророка. Вот почему и у человека есть и сердце, и душа. И высоко призвание нашего сердца, и во всех краях неба видна работа нашей души.

Всемогущее сердце моё, -
Бесконечных миров сердцевина.
Ты, наполненное до краёв,
Со Вселенною всею едино.

О, лесная великая тишь,
Чудотворная сила безмолвья,
Это ты моё сердце растишь.
Это ты его тайною полнишь.

Омываясь в твоей тишине,
Я прощаюсь со знанием ложным. –
Всё, что истинно надобно мне,
То воистину сердцу возможно.

Всемогущество Бога имеет таинственную связь с всемогуществом сердца. Истинное всемогущество состоит в способности отказаться от всех своих притязаний ради свободы того, кого ты любишь. Исаак Сирийский написал: «Нет страдания более жгучего, чем любовь к Богу»⁵. С этим страданием может только сравниться, а, может быть, и никогда не сравниться, любовь Бога к человеку. Не она ли и является мерилем, то есть полной мерой страдания и любви?

Легли густым покровом облака.
В лесу темно, торжественно и строго.
Земная боль безмерно велика,
Но кто измерит всю безмерность Бога?

После того урока смирения, который Бог преподавал человеку, став человеком, мы уже не можем поставить знака равенства между всемогуществом и властолюбием. А как часто мы именно так и поступаем. Вот почему между всемогуществом сердца, доглядывающим себя в Боге, и властолюбием сердца, доглядывающим себя в звере, пролегает пропасть. И вот почему строка «Всемогущее сердце мое» внутренне соседствует со строкой «Я – никто. Я – лишь только окно», ни в чем ей не противореча.

* * *

Как упорна она, как давно
Мысль простейшая бьется во мне:
Я - никто. Я - лишь только окно.
Я - пробоина в твердой стене.

Только плотность стены прорубя,
Только после великих потерь
Понимаю: я - выход в Тебя,
Я - к Тебе приводящая дверь.

С целым миром окончился спор.
Я - никто. Обо мне позабудь.
Я есмь вход в бесконечный простор.
Только вход, только дверь, только путь.

2.

Как часто наш рассудок пытается извлечь практическую пользу из того, чему сердце позволило просто быть, чему сердце не стало назначать цену, а вместило целиком и без условий. Непонимание между людьми на уровне мировоззрений, как дверей закрытых и даже заколоченных, должно восполняться художественной интуицией, чувством красоты, которое распахивает все двери запирающегося ума. И хотя чувство красоты редкий дар, его можно и нужно развивать в себе. В статье «Устами поэта» Григорий Померанц писал: «Опыт суфийской поэзии, более тысячи лет жившей рядом с догматическим исламом, то сталкиваясь с ним, то заключая мир, заставляет думать, что поэтический путь к Богу никогда не станет всенародным. Для этого нужна поэтическая одаренность (...) Тождество поэзии с откровением всегда находило страстных последователей, и я не думаю, что они когда-нибудь исчезнут. В поэзии религиозного созерцания тонет несовместимость религиозно философских и богословских систем. В ней рождается чувство, что любая человеческая речь, подсказанная Богом, - только перевод с божьего на человеческий; и поэтический перевод лучше, чем логически правильный подстрочник, ближе к подлиннику, не доступному человеческому уму. Родство мистической поэзии, мистического искусства разных культур становится прообразом родства великих религий...»⁶

Рассудок на вопрос, кто из пророков донес до нас слово Творца правдивее, ответит так, как выгодно человеку – иудею, христианину, мусульманину, а сердце на этот вопрос ответит так, как угодно Богу. А Богу угодно соединять, а не разъединять. Да и человек призван соединять. Великий шейх суфизма Мохиддин Ибн Араби так писал о человеке. «Человек занимает ступень всеохвата и собирания бытия»⁷. И ни одному ангелу не постичь устройство этой ступени. Ибн Араби, по сути, вторя Ибн Аль-Фариду, говорит о том, что если бы Иов, стоически удержался от мольбы и жалобы, то, тем самым, он бы оскорбил Бога непроницаемостью своего сердца. Не только человеку

нужен человек, но и Богу нужен человек. Потому что Бог сотворил Адама, как пишет суфий, обеими руками.

Зинаида Миркина непревзойденный переводчик суфийской поэзии. Философия суфизма никогда не порывала с поэтической традицией, которая жива иносказанием. Приведем строки из «Большой касыды» Ибн Аль-Фарида в переводе Миркиной.

Прямые речи обратятся в ложь,
И только притчей тайну сбережешь.

И тем, кто просит точных, ясных слов,
Я лишь молчанье предложить готов.

Я сам, любовь в молчанье углубя,
Храню ее от самого себя,

От глаз и мыслей и от рук своих, -
Да не присвоят то, что больше их:

Глаза воспримут образ, имя - слух,
Но только дух обнимет цельный дух!

Снова обратимся к исламскому богослову XII-XIII веков, крупнейшему теоретику суфизма Ибн Араби. Вот как он размышляет о Боге. «Он описал нам Себя через нас: видя Его, мы видим души свои, а видя нас, Он видит Себя Самого». Ибн Араби идет еще дальше. Он пишет, что человек «для Бога то же, что зрачок для глаза: зрачок осуществляет созерцание, называемое зрением. Вот оно и было названо человеком, ибо им Бог созерцает Свое Творение и потому ниспосылает ему Свою милость»⁸. Откровение исламского богослова сродни откровению немецкого мистика Мейстера

Экхарта. Экхарт писал: «Глаз, которым я вижу Бога, - это тот самый глаз, которым Бог видит меня...»⁹ Воззрения крупнейшего христианского мистика очень близки японскому мастеру дзен Дайсэцу Судзуки, в чем Судзуки не однажды признавался. И именно через труды Мейстера Экхарта и проникновенное слово американского монаха Томаса Мертон Судзуки открывает для себя христианство. И как здесь не вспомнить Тагора, сказавшего о Боге: «Ты невидим, потому что Ты – зрачок моего глаза»¹⁰. Китайский философ IV-III веков до нашей эры Мэн-цзы, представитель конфуцианской традиции, высказывал сходные с Ибн Араби, Экхартом и Тагором мысли: «Кто познает свою природу, познает Небо»¹¹. Другими словами, кто открывает глубины своего сердца, тот познает Бога. Метафора Ибн Араби, Мейстера Экхарта и Тагора очень близка Миркиной.

Это Ты во мне видишь,
Это Ты во мне любишь,
Ты покоишься, внидая,
В безымянные глубины.
Ты не можешь предстать
Ни на миг, как виденье.
Как Тебя увидеть? –
Ты и есть мое зренье.
Мир, на части рубя,
Не добьешься познания.
Как дышать без Тебя,
Когда Ты есть дыханье?
Мир сей тайной набух,
В нем присутствует Дух...

Глубины мировых религий находятся в беспрестанной дружественной переключке. Об этом убедительно говорят Григорий Померанц и Зинаида Миркина в их общей монографии «Великие религии мира»¹².

Переводчики с божественного языка на человеческий узнают друг друга по той музыке, корень которой сокрыт от зрения и слуха. Именно через пророков перекликаются эпохи, культуры и вероисповедания. Через пророков и через поэтов. Но сами пророки уже давно не называют себя пророками. Да и не каждый стихотворец посмеет назвать себя поэтом. Ибн Араби, обращая свою молитву к Богу, так говорит о ниспосланной ему благодати: «...только Им был в трудах я своих вдохновляем, и нет в сих строках ничего сверх Его откровения, хотя я не пророк и совсем не посланник, а просто верный наследник...» Суфий скромно говорит о себе как о «верном наследнике». Даниил Андреев в «Розе мира» называет подобную преемственность вестничеством. «Вестник – это тот, кто... дает людям почувствовать сквозь образы искусства высшую правду и свет, льющийся из иных миров»¹³. Видимо, так и нужно называть тех творцов, в художественном и мистическом опыте которых нет ничего сверх откровения Господа – наследник, вестник. Термины «медиум», «транслятор», «спиритуализм», которые использовал литературовед Мраморнов, при анализе творчества Миркиной, здесь едва ли уместны. Они объективно далеки от сути явления. Так же теряет всякий смысл разговор о пресловутой гениальности пишущего, если она приписывается себе и возвеличивает человека, а не Бога – истинного создателя, Которому мы обязаны быть сотворцами.

Гения Создатель судит строго,
Снисхожденье напрочь отрубя.
Гениальность – послушанье Богу
Вплоть до отвержения себя.

Полного – и никакой досады.
Ни малейшей жалобы судьбе.
Мне себя уже совсем не надо.
Богу я служу, а не себе.
Все таланты и ума палата –
Лишь дрова для Божьего огня.
Вот тогда-то, только лишь тогда-то
Будет Бог творить через меня.
И не будет никаких сомнений –
Несомненность полнобытия.
Гений я или совсем не гений –
Безразлично. Действую – не я.

Поэтический словарь Миркиной беден, но лишь потому, что она не пытается понравиться ни эпохе, ни самой себе. Она не меняет наряды и темы в зависимости от того или иного периода творчества. Она не драпирует своего лирического героя в одежды, по которым мы узнаем его в толпе других лирических героев. Ни ей, ни Богу не нужно выхлопотанного любой ценой внимания. Тот, кто начнет сравнивать вкус и вес ее словаря со словарем другого поэта, едва ли что-то поймет, потому что привык ожидать от слов всего, чего угодно, только не их отсутствия. Разумеется, это метафора. Слова есть, конечно, но они стремятся как бы сойти на нет, чтобы освободить место чему-то большему, чем любые слова. И мир, выступающий из них, проступающий сквозь них, прежде всего мир природы. Этот мир живет на глубине ее духа так полно, как творение в присутствии Творца. Мир этот не пленяет наше воображение подробностями и деталями, прихотливыми завитками рассеянной мысли, но захватывает своей таинственной целостностью.

Я с деревьями вместе расту.
Вот и все, что мне нужно сейчас.
Набирает душа высоту
Каждый миг, незаметно для глаз.

Снега первого тоненький слой
Покрывает ноябрьский лес.
Я плыву вместе с тихой землей
В бесконечном пространстве небес,

И всплывают в земное окно
Дальних звезд голубые огни.
Одиночество сердцу дано
Чтоб почувствовать – мы не одни.

Разве можно так просто говорить о самом главном? Вопрос этот вполне правомочен, но абсолютно безжизнен. А для чего о самом главном говорить по-другому? Вестник призван донести весть. У вестника нет второй жизни, чтобы разделить с веком его духовные недуги. В «Сонетах к Орфею» Райнера Марии Рильке в переводе Миркиной есть такие строки: «В разброде чувств, в раздробленности мира / Не служат Фебу и не строят храм»¹⁴. Вестник и есть тот, кто строит невидимый собор, кто является прихожанином невидимой церкви. Адамович пишет, что никто теперь уже не истолкует физически, материально слова о том, что человек создан по образу и подобию Божьему. Затем он излагает свое понимание этой истины. «Все, что человек в себе угадывает, все, что находит в себе верного, непреложного, несговорчивого, окончательного, неустрашимого после того, как перестал он играть с собой в прятки, все, что мы называем совестью, во всех смыслах, даже и в эстетическом, и что в нас большей частью дремлет, - а если

случается, и очнется, то, наглотавшись разнообразных житейских наркотиков, тут же засыпает снова, - все это и есть «образ и подобие»¹⁵. Развивая мысль Адамовича, можно сказать так. То, что в нас большей частью дремлет, в вестнике большей частью бодрствует. Вестнику знакома человеческая слабость, минутная растерянность, знает он и «чугунных дней немую череду», но потаенные струны его существа всегда готовы к удару по ним незримой руки.

Ты во мне. Это значит, что я
Всей собой за Тебя отвечаю.
О, священная тяжесть моя,
Глубина, не имущая края!
Высший замысел отчий, любя,
Ты готов на великие муки.
Ты во мне, значит, отдал Себя
В эти слабые смертные руки.
Значит, можно Тебя пронести,
В тайной тяжести черпая силу.
Боже мой, сокровенный, прости,
Что я руки на миг опустила.

Мунковский крик отчаяния может быть тоже вестью, посланием из ада. Но, исполненный духом героического самоутверждения, даже на дне ада, этот немой крик человека XX столетия оказывается лишь бледным подобием опыта жертвенного самоотречения: молчания Христа перед лицом кесаря и человеческого крика Бога на кресте. Миркина вовсе не отворачивается от ада, не парит над ним, а проходит сквозь него, очень ясно чувствуя ранимость, бессилие Бога во внешнем мире, проходит с твердой верой в его незримое ненавязчивое всесилие, без которого мы мертвы. Слова Силуана

Афонского «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся» являются, быть может, лейтмотивом всего ее творчества.

Бог кричал.
В воздухе плыли
Звуки страшней, чем в тяжёлом сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу –
по мне.
А кто-то вышел в простор открытый,
В мир, точно в судный зал,
Чтобы сказать Ему: Ты инквизитор!
Не слыша, что Бог кричал
Он выл с искажённым от боли ликом,
В муке смертельной сник.
Где нам расслышать за нашим криком
Бога
живого
крик?
Нет. Он не миф и не житель эфира, –
Явный, как вал, как гром, –
Вечно стучащее сердце мира,
То, что живёт – во всём.
Он всемогущ.
Он болезнь оборет, –
Вызволит из огня
Душу мою, или, взыв от боли,
Он отсечёт меня.
Пусть.

Лишь бы Сам, лишь бы смысл
Вселенной
Бредя, не сник в жару...
Нет! Никогда не умрёт Нетленный –
Я
за Него
умру!

Это стихотворение было написано в 1960 году. Оно произвело такое сильное впечатление на вернувшегося из лагеря Григория Померанца, что расстаться эти две души уже не смогли никогда.

3.

Истовое религиозное служение естественно сочетается в творческой судьбе Миркиной с внеконфессиональной религиозностью. Вот как она сама высказывается о разнице между религиозным и атеистическим мироощущением. «Религиозное сознание – это трепетное сознание Тайны, превосходящей наш ум. Атеистическое сознание – сознание, лишённое трепета перед Неведомым и Безграничным»¹⁶. Лишь по недоразумению мы вынуждены говорить о ней как о человеке светском, хотя она, скорее, человек Света. В своих стихах, подобных псалмам, она «опрозрачивает» непроницаемые для ума места богословских диспутов, художеством разрешая эти темные для рассудка и открытые сердцу, открываемые сердцем небесные архипелаги. В христианстве Логос отождествляется с Христом. Но не так-то легко основное понятие греческой философии, то есть, нечто умопостигаемое соотнести с абсолютно непостижимым, с Богом. И, кажется, что это по плечу только мистической поэзии.

Как глубоко нам надо замолчать,
Чтобы сама душа заговорила.
Какая есть немереная сила
В том слове, что к душе обращено.
Самим Творцом становится оно.

Границы между стихами, эссеистикой, прозой и публицистикой Зинаиды Миркиной прозрачны. Ей не нужна маска, за которой бы она прятала свое истинное лицо, чтобы помножить на два его тайну. Это полное совпадение со своей сутью дар столь редкий, и он такой высокой пробы, что не нуждается в присущем искусству анонимно-игровом начале. Хотя только через художество, благодаря поэтическому складу ее природы этот дар и раскрывается во всей своей полноте. Слова: «Нет! Никогда не умрет Нетленный - / Я / за Него / умру!» произносит не лирический герой Миркиной, а она сама. Любой намек на дистанцию между поэтом и его лирическим «я», здесь был бы недопустим. Ее лирический герой никогда не меняет, и, кажется, даже не имеет своего амплуа. Само понятие лирический герой, как мне кажется, носит в художественном мире вестника условный характер. При смене жанра (переход от стихов к прозе, от прозы к эссеистике) устанавливаются не новые правила игры, а новая степень доверия. Меняется лишь интонация, ритм речи, но не глубина осмысления того, о чем и о Ком говорится. Герой и автор во всех ипостасях творчества Миркиной совпадают от и до. Эта способность отвечать чистоганом не только за каждое слово, но и за каждое тайное движение души обескуражит того интеллектуала, который поднаторел в анализе раздвоенности сознания, прочно обосновавшись в подполье, описанном Достоевским. Хотя сам Достоевский в Князе Мышкине и разоблачил все наше жалкое, заносчивое, надуманно юродствующее подполье. За опытом полновесной открытости стоит тайна целостности, а не тайна раскола, стоит искренность, а не откровенность. Рвущему на груди тельняшку, больше нечего сказать. Тот же,

кто беремен Истиной, не пошелохнется. И слова его будут тихи и просты. В толпе рвущих на груди тельняшку, его и не заметят.

Где твой предел, душа моя?
Простор небес неисчерпаем.
Кто может знать, что там, за краем,
Когда отсутствуют края?

Дух вечно веет сквозь пределы,
Всегда – насквозь, и потому
Так верит, так ликует тело,
Все тайники открыв Ему.

Царь радости моей великой
О, Ты, который овладел
Всем сердцем, - Внутренний Владыка,
Огонь, сжигающий предел!

Отказ от литературных условностей, расшаркиваний и даже определенная скандальность, граничащая с подлинным юродством, смутят склонного к напряженной рефлексии читателя. Он привык доверять сложным вещам, намеренно запутанным, закодированным. И, порою, он пасует перед видимой простотой, перед незримой глубиной, которой можно только причаститься. Но именно этого святого юродства и не хватает всему тому, что глубоко в нас сидит, хотя и не на той последней глубине, к которой мы призваны, иначе бы высокое юродство не отпугнуло бы нас. Приведу цитату из статьи Эмиля Сокольского «Неуходящий свет Зинаиды Миркиной». «Сколько поэзии в стихах Зинаиды Миркиной? Вопрос важный и... деликатный. «Не то чтобы стихи - скорее молитвы», - приходилось мне слышать. -

«Монотонна...», «одно и то же...», «напрямую выражает мысль...», «в большом количестве читать трудно...» Странно... А ведь меня ни разу не посетило сомнение в том, что стихи Миркиной - поэзия»¹⁷. Не удивительно, что подобный дар способен оценить только тот читатель, который обладает родственным ей духовным опытом. Перефразируя Баратынского, я бы сказал, что ее читатель это одновременно и ее друг, причем не в переносном, а в прямом смысле этого слова, и друг на все времена. Она не создает некий образ поэта, вымышленный образ, которому обманутый читатель хотел бы набиться в друзья. Она именно такая, какой предстает в своих стихах, в прозе, в эссеистике, в публицистике. Блистательный лектор и чуткий собеседник, она ни разу и никому не дала усомниться в искренности своих слов.

В ее повести «Озеро Сариклен» происходит мистическая встреча двух душ - школьной учительницы Ольги Кореновой и поэта и художник Эфраим Аданов. Они, словно бы, обладают одной душой, которая не имеет границ и в тоже время обладает удивительной целостностью. Нельзя сделать что-то или подумать о чем-то отдельно от самого себя, а значит, и отдельно от Бога. Нельзя быть счастливым вдали от истока своей глубины, даже не то что бы нельзя, а просто невозможно! Вот как подается ход мысли Эфраима Аданова, у которого так много общего с князем Мышкиным. «Разве я не был таким же другом Богу, как друзья Иова – Иову? Я любил Его, любил, конечно... Но я был *около*, а не внутри. Я не делил с Ним Его сущности»¹⁸.

Автором повести описан духовный путь, который выходит за рамки беллетристики. Это уже не только исповедь отдельно взятого человека или поколения, но и проповедь, причем проповедь тихая, выстраданная. Диалоги Ольги Кореновой с Романом Андреевичем Коршем перекликаются с самыми топкими местами поэмы о Великом инквизиторе из романа Достоевского «Братья Карамазовы». Эти разговоры Ольги с Коршем, который плетет свою паутину в тени князя мира сего, обладают художественным достоинством сами по себе. Однако как же мощно они углубляют русло традиции, в

которой работал Достоевский, и восприемником которой он являлся. Корш за творением не может и не хочет разглядеть Творца. Удивительно, что и Ольгина подруга Белла, смиренно несущая свой крест, улавливает в большей степени то, что находится в горизонте творения. Белле, как и Коршу, тяжело дышать на высоте, где Бог соприкасается с душой, хотя, казалось бы, между Коршем и Беллой пролегает пропасть. Ученики любили Христа, но еще не знали, что придется полюбить Истину, которая через Христа явилась в мир. Очень тяжело оторвать глаза от земли даже тем людям, которые, сами того не ведая, уже идут по облакам. Вторая или высшая ипостась лирического я, а именно – поэт и художник Эфраим Аданов, потребовалась Миркиной для того, чтобы всмотреться в лицо Последней глубины, Которое не может быть лицом нашим, отражающимся в зеркале. Вот почему озеро отражает лишь невидимую красоту человека. Вот почему Ольга слегка улыбнулась зеркалу и вся улыбнулась распахнутому окну. Катя, самое близкое Ольге Алексеевне существо, внезапно отдаляется от матери. Как, почему это происходит? Ребенок хочет понравиться миру. Родители любят свое чадо и так. Духовный путь подобен озарению. Научить озарению, привить озарение невозможно. Вот почему родители, даже лучшие из них, так часто проносят мимо своих детей Божьи дары. Финал повести и ожидаем, и непредсказуем. Тот, кто научился разговаривать со своей глубиной, уже не может быть одинок. Но для того чтобы услышать глубину, нужно пожертвовать своей поверхностной общностью с людьми, особенно с близкими людьми. А близкие, в силу причин совершенно естественных, не всегда способны принять это и понять...

Как отражается эпоха в поэзии Миркиной, значит ли что-либо для нее категория исторического времени? Или она смотрит сквозь время, не замечая его примет? Замечает, но не позволяет своему внутреннему простору заговорить на языке злободневности. Пушкину пришлось прибегнуть к уловке, чтобы его не обвинили в гедонизме. Поэтому он приписал свое заветное желание «дивиться божественным природы красотам», «трепетать»

и «умиляться» веронцу Пиндемонти. Но в трепете и умилении Миркиной нет гедонизма. Не удовольствие, пусть даже и эстетическое, является высшим благом и целью ее жизни, а - служение. Возведение незримого собора нелегкий труд. Храм строится не только веком и миром, но и песней безымянной пичуги.

Я небу ступаю навстречу,
Здороваясь с влажным кустом.
Мне надо вдохнуть бесконечность,
А всё остальное – потом.
К чему ни звала бы эпоха,
Зов вечности в сердце не стих –
Важнее глубокого вдоха.
Не знаю я дел никаких.

Что самое главное в мистическом опыте Миркиной, донесенном до нас через поэтическое слово? В нем все пропущено через сердце, которое зорко всматривается в мир божий, и видит его глазом художника. В нем судьба и творчество, дела и слова не входят в противоречие, исподтишка предавая друг друга. В ее опыте нет фантазирования, которое льет воду на мельницу превратно толкуемой мистики с ее буквальным пониманием рая и ада, с ее буквальным пониманием бессмертия плоти, то есть пониманием не творчески-духовным, а механически-физическим.

Воскрешение тела тайна непостигаемая, и любое безответственное фантазирование столь огрубляет эту тайну, что она превращается в разменную монету, в аргумент в споре, а не в опыт глубочайшего замолкания ума. Антоний Сурожский пишет: «невозможно говорить, что в день последнего воскресения наши тела восстанут такими, какие они сегодня, а не какие они были вчера или будут через три недели. Речь идет о том, что наша

телесность будет воскрешена, а в каком виде и как – мы не имеем никакого понятия и никаких указаний в этом отношении. Поэтому речь идет не о том, чтобы сохранить в целостности тело данного человека, какой он есть сегодня. Речь о том, чтобы дать возможность этому телу продолжать жить и действовать и принимать творческое участие во всей целокупности жизни этого человека: его умственной жизни, жизни его сердца, любви»¹⁹. Здесь было бы уместно вспомнить чаадаевскую формулу жизни в Духе. «Христианское бессмертие есть жизнь без смерти, а совсем не то, что обыкновенно воображают: жизнь после смерти»²⁰. Жизнь без смерти это и есть наше творческое участие во всей целокупности жизни, в том числе и умственной жизни. Но умственная жизнь лишь тогда умножает силу, которой берется Царствие Небесное, когда уступает первое место жизни сердца. Потому что только сердцу по силам все уступить Богу. «О, как вы жаждете, как ждёте / Бессмертья, воскрешенья плоти! / А Бог нам отдал плоть свою» напишет она. Но здесь мне бы хотелось привести другое ее стихотворение, посвященное теме посмертного воздаяния.

А если ты растаешь струйкой дыма?
А если жизни подведен итог
И стерто всё, что мыслью представимо.
А Бог? Кто Он – непредставимый Бог?
Так смысл пропал? – Ни на одно мгновенье:
Непредставимой этой глубине
Души моей вернейшее движенье
Необходимо так, как воздух мне.
И, может, нет ни рая и ни ада.
Простор небес непредставимо тих.

И нет ни наказания, ни награды,
Но только сердцу и не надо их,
Полученных за что-то, от кого-то. –
Душа под небом, как бокал пустой,
И пустота от всей земной заботы
Окажется небесной полнотой.
Умом не представимая, иная
Мысль приказала некогда: живи!
Я ничего своим умом не знаю,
Но полнота, но океан любви!..

4.

Сколько же ей потребовалось сил и мужества, чтобы перенести уход из жизни горячо любимого супруга. В стихах, датированных апрелем-маем 2013 года, написанных «вослед ему», сквозь боль утраты просвечивает то смутно, то отчетливо радость встречи в Боге, которая уже состоялась здесь, на земле, и которая будет длиться вечно. Рассказывая о своем духовном пути, Григорий Померанц неизменно возвращался к одной и той же точке в судьбе. Будучи молодым человеком, он дал бой материальной, бездушной бесконечности, по сравнению с которой его личное существование сводилось к нулю. И он победил всепоглощающую бездну материи. «Если бесконечность есть, то меня нет. Если я есть, то бесконечности нет». Именно эти слова Померанца Миркина предпослала одному из стихотворений, написанных в память о нем. Так истинное, высшее «я» человека должно одолеть дурную бесконечность. Это был первый удар Померанца, нанесенный по тоталитарному сознанию, исповедующему беспросветный детерминизм. Григорий Соломонович прожил долгую, полную испытаний, прекрасную жизнь, большую часть которой его спутницей, музой и духовным камертоном была Зинаида Александровна. Стихи «вослед ему» это

и плач, и гимн. Плач по нему, не по себе. Гимн всему тому, что они так любили, что стало их общей судьбой на долгие годы.

Говорить о воскрешении из мертвых как о чуде, следует с величайшей осторожностью. Вот с какой деликатностью размышляет о власти Создателя над законами мира Александр Мень: «...чудеса – во все времена – как правило, не посягают на *свободу* человека, не навязывают ему веры (вспомним, что воскресший Христос не явился Своим врагам). Подлинное чудо оставляет место для сомнений, для его приятия или отвержения»²¹. Почему воскресший Христос явился только Своим друзьям? Да потому что одних глаз, чтобы увидеть победу Христа над смертью, недостаточно. Тут необходимо зрение сердца. Глазами обладали и враги Христа, но они ничего не увидели. Полагать воскрешение из мертвых непреложным фактом физической реальности, означает, проявить непростительное невнимание к реальности незримой. А ведь именно она во всей полноте своих неограниченных законами природы возможностей и противостоит смерти. Тайна воскресения – это тайна сердца сораспятого Тому, Кого оно беззаветно любит.

Ты глядел в глаза жестокой яви.

Ты не отводил от бездны глаз.

Что же ты сумел противопоставить

Мраку, обступающему нас?

Этой полной слепоте и глуши,

Этой бездуховности в ответ

Ты свою противопоставил Душу,

Из Ее глубин сверкнувший свет.

Яркий прочерк внутреннего света

Вспыхнул, тьму ночную разрубя. –

Выход есть! Безвыходности нету!
Жизнь без смерти есть внутри тебя.

Может прах вернуться снова к праху,
Но бесспорна огненная весть:
Больше нет в душе ни капли страха, –
Что б с тобой ни сделали, – АЗ ЕСМЬ!

Я люблю тебя с такою силой,
Что способна разорваться грудь.
Ты ушел. Дыханья не хватило.
Значит надо за тобою – в путь.

Но не в те загробные пределы –
Есть дорога дольше и трудней –
Не вослед за погребённым телом –
За Душой любимую твоей.

Мне дано великое задание:
Различить беззвучный зов Творца,
Леса говорящее молчанье,
Всей душой дослушав до конца.

Мне сказали капли дождевые
Вспышкой в скрестившемся огне:
Мёртвых нет. Но только мы, живые,
Живы лишь отчасти. Не вполне.

Это слово бессловесной хвои –
Весть из распахнувшихся небес:
Если я воистину живую

Быть сумею, значит ты воскрес.

Если бы местоимение «ты» начиналось не со строчной буквы, а с заглавной, то у читателя были бы все основания считать, что речь в стихотворении идет о Христе. Миркина и пишет о Нем, и говорит с Ним, но так сроднить с Богом, как роднит потеря самого близкого человека, не способно ничто. И сколько же нужно душевных сил, что бы это тайное родство снести, чтобы не отречься от него в горе? Чтобы вдруг не обнаружить, что миром и тобой правят банальные законы природы, против которых ты бессилен. И власть которых никто не отменял.

Я только лишь теперь узнала,
Что значит – смерть. О, это жало,
Вонзившееся прямо в грудь,
Так, что уже нельзя вздохнуть.
Я это знаю лишь сейчас,
Хотя теряла много раз
Любимых, близких и родных,
Но я умела жить без них.
А нынче в грудь мою проник
Весь холод смерти. Этот крик
Ты слышишь?! – Пустота... Исчез...
Но что, что значит этот лес?
Откуда он натёк такой
Всеобнимающий покой?
И кто меня из бездны слёз
Вот в эту высоту вознёс?
Так, может, жизнь нам разрубя,
Взамен тебя Бог дал Себя?

И, Боже святой, может быть,
Пришла пора Тебя вместить?...

Это вопрос Сына, полного любви и смирения. Это уже и не вопрос, а ответ. «...впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк.22,42). Пронести через всю жизнь высокий строй души, не перестать слышать Господа и в горе, это значит доверить Ему все самое дорогое, что у тебя есть, было и будет. Это значит уже ничего не иметь отдельного от Него, своего, припрятанного на черный день. Это значит вместить Его даже в сердцевине боли, которую еще можешь или уже не можешь вынести. И вместить, и испытать безграничную тихую благодарность.

Жить вечной жизнью это значит
Беззвучной быть, как неба гладь,
Беззвучной и совсем прозрачной,
Чтоб никого не заслонять,
Не заглушать самой собою,-
Так жить, чтобы была слышна
Волна вселенского прибоя -
Вот та, священная волна,
Которую часами слушать
В самозабвении мы могли, -
Волна, что в мир приносит душу
И вновь несёт её с земли
Куда – не ведаю, но ... тише -
Открылся сердца чуткий слух -
Я ясно чувствую, я слышу
Тот, не имущий смерти Дух.

Я не знаю другого такого отечественного поэта, который бы с таким вызовом пренебрег богатейшим арсеналом поэтических средств и добился при этом такого высокого уровня владения словом, действительно, жгущим человеческие сердца. Читательская аудитория Миркиной огромна. Людей, которые нуждаются в ее поддержке, в ее ласковом наставничестве, так много еще и потому, что мистический опыт Зинаиды Александровны лишен какой-либо эзотеричности, он до дна открыт любому, кто доверится своей духовной и художественной интуиции. А я уверен, что порознь эти интуиции не ходят. Сколько в мире ее духовных детей, которые и не знают о существовании друг друга. Но, если они знают Бога, то и друг друга они знают. Глубоко верующие воцерковленные люди, а среди них есть и монахи, и монахини зачитываются ее стихами и сказками. О сказках Миркиной нужно говорить отдельно и подробно, так же как и о ее эссеистике.

Из личного общения с Зинаидой Александровной я вынес не больше, чем позволили мне мои скромные силы, но и на осмысление услышанного, предугаданного сердцем едва ли хватит жизни. «Царствие Божие внутри нас», - не устают повторять она. На этом же метафизическом основании зиждилась мудрость Григория Соломоновича Померанца. Его вклад в русскую и мировую культуру, в историю свободы Духа, которая пишется и чернилами, и судьбой еще предстоит оценить. В религиозном свободомыслии Антония Сурожского, Александра Шмемана, Александра Меня, Георгия Чистякова был огонь той правды, у которого смогут отогреться, кажется, все. И этим же добрым внутренним огнем охвачено внецерковное богословие Померанца и Миркиной. Его духовная интуиция помогала и будет помогать ей доносить до нас весть иного мира, а ее стихи углубляют русло его религиозно философской мысли. Более чем полувековой творческий союз Григория Померанца и Зинаиды Миркиной позволил им уточнить в слове ту полноту личного переживания Бога, без которой всякое творчество теряет свой первоначальный исконный смысл.

Май 2013 г.

-
- ¹ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., Республика, 1996. С. 235.
- ² См. Мраморнов О. Страсть к целому. «Новый мир» 2000, №7.
- ³ См. Померанц Г. Устами поэта. <http://www.stihi.ru/2012/06/14/6856>
- ⁴ См. Померанц Г. Устами поэта. <http://www.stihi.ru/2012/06/14/6856>
- ⁵ Исаак Сирин, преподобный. О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты. СПб., Издательство Олега Абышко, 2006. С. 188.
- ⁶ См. Померанц Г. Устами поэта. <http://www.stihi.ru/2012/06/14/6856>
- ⁷ См. Ибн Араби. Геммы мудрости. М., Наука, 1973.
- ⁸ Ибн Араби. Геммы мудрости. М., Наука, 1973. С.50.
- ⁹ Мейстер Экхарт. Об отрешенности. М.- СПб., Университетская книга, 2001. С.276.
- ¹⁰ Миркина З.А. Избранные эссе. Пушкин, Достоевский, Цветаева. М.: Модерн, 2008. С.38.
- ¹¹ Григорьева Т.П. Дао и Логос (встреча культур). М., Наука, 1992. С.71.
- ¹² Померанц Г.С., Миркина З.А. Великие религии мира. М., Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.
- ¹³ Цит. по Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., РОССПЭН, 2003. С. 153.
- ¹⁴ Миркина З.А. Невидимый собор. СПб., Университетская книга, 1999. С.53.
- ¹⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., Республика, 1996. С.234.
- ¹⁶ Померанц Г. Миркина З. Я не знаю / В тени Вавилонской башни. М., РОССПЭН, 2004. С.231.
- ¹⁷ Сокольский Э. Неуходящий свет Зинаиды Миркиной <http://www.stihi.ru/2012/06/15/5565>
- ¹⁸ Миркина З.А. Озеро Сариклен. М., Фантом Пресс Интер В.М., 1995. С.184.
- ¹⁹ Антоний, митрополит Сурожский. Материя и дух. М., Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского». 2011. С.43.
- ²⁰ Гершензон М. Избранное. Москва – Иерусалим: Университетская книга, 2000, Т.1. С. 517.
- ²¹ Мень А. Исагогика. М., Фонд имени Александра Меня, 2003. С.190.